

УДК 141. Т 14

Э.А. Тайсина

ОСНОВНАЯ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИНТАГМА: ОТ ЛОКАЛЬНОГО ЗНАНИЯ К БЕСКОНЕЧНОМУ

Методологически ценный концепт “синтагма” – это грамматическая оппозиция “парадигме”, и она выигрывает по сравнению с последней в том, что позволяет учитывать диахронию, таксис – связи и переходы от одной стадии к другой, при сохранении любимой “парадигмы”, и при этом объясняет последовательность переходов *логически* (догматически), т.е. определенно и обоснованно. А.Ф.Лосев в “Философии имени” дает такое определение: **синтагма** – смысловая энергия всего предложения [3, 30]. Не поднимаясь (или не углубляясь) до подлинной диалектики, “синтагма” позволяет перейти от [по определению] обособленных и неизменных парадигм к их связи и явить картину исторически сменяющихся ступеней или “фреймов” зафиксированного, “остановленного движения”. Всякая конкретная наука включает историю своего предмета; и это делается не диалектически, а *синтагматически*: как сет или цепь дискретных состояний, покадровая съемка (до наступления момента овладения мастерством диалектики). Во всяком случае, *настоящее* рассматривается как *данное*, неизменное присутствие, каким-то образом освободившееся из круговорота *майи* или кратилового потока. Наша цель – рассмотреть основную синтагму гносеологии в ее историческом движении, продемонстрировав на примере раннего скептицизма ее методологическую роль и познавательную мощь в деле превращения локального знания в бесконечное. (В данной работе мы не будем рассматривать обыденное сознание и знание).

Локальное знание – это научное знание. Оно ограничено не только и не столько конечным объемом или объектом, потому что последний может быть и глобальным, и даже универсальным, сколько методом, названным еще Платоном “первой навигацией”. Это наивно-реалистическая установка, выраженная в постулате: *объект существует, и он познаваем “сам из себя”*. Такая вера не допускает философского скепсиса, и эта установка неизменно сохраняется и у современных, пусть даже философствующих, естествоиспытателей (см., например: [1, 170-175]). Бесконечное знание – это философское знание, в котором вера соседствует с сомнением не только в чистоте эксперимента, разрешающей способности прибора или плодотворности следствий теории, но в самом существовании объекта и в его познаваемости. Философская вера в такую возможность зиждется,

правда, на надежде в подлинное бытие (философского же) Абсолюта и на любви к истине. Философское познание вечно связано с вопросом о существенной истинности знания, и “путешествие по времени” основной гносеологической синтагмы – бесконечно.

Разум, логика, мышление не мирятся с призрачностью объекта познания и недостижимостью цели – это против их природы. А *философский разум, философское мышление* способны и само изменение рассматривать метафизически, как субстанцию, присваивая ему – ей – имена, и единое (всеобщее) сделать логически обособленным, единичным, и онтически поставить вопрос о его локализации, реальности существования. Поход к Абсолюту или – это в сущности одно и то же стремление – к Релятиву, взятому как Абсолют, – на фоне сомнения в его существовании – делает философское мышление и философское знание бесконечным.

Принципиальной гносеологической синтагмой, на наш взгляд, следует признать переходящее из тысячелетия в тысячелетие (рас)суждение о соотношении абсолютного и относительного в познании. В афористическом изложении: “Истина существует (или не существует), она едина (или не-едина) и она абсолютна (или не-абсолютна)”. Как писал о таких предельных синтагмах В.И. Несмелов, “...самосознание ничего другого не утверждает, как только бытие – бытие себя самого и бытие не-себя... Утверждение в бытии не-себя неизменно совершается в одном и том же факте сознания – в сознании инобытия”. [4, 132]. Выбор альтернативы остается за философом. (Обратим внимание: любое дихотомическое деление оставляет неопределенным “второй” род, обозначенный отрицательным понятием. Поэтому сами не-существование, не-единство и не-абсолютность бесконечно разнообразны и неисчерпаемы для познания. Но это столь сложно, что требует отдельного исследования).

Дизъюнктивное логическое умение предполагает, что *до* разделения уже существует представление о сторонах деления, а *до* него – о нераздельном целом, или о целостнонеразделенном едином – аналоге абсолюта, являющемся как множество. Сравнивая достаточное количество объектов и устанавливая их сходство и различие, сознание приступает к разделению, классификации, целенаправленному полаганию границ, мембран (перегородок между “membra” – членами совокупности, представшей как

множество родственных, точнее, подобных элементов). Несомненно, что операции определения (“это есть это” или “to”) операция деления сопутствует с самого начала, и лишь логически мы начинаем с содержания и затем переходим к объему понятия.

Теперь продемонстрируем трудности этой двойной операции, на которой основана возможность именованности объекта, расчленения его на виды и подвиды и выбора одной из альтернатив, на примере академического философского текста – комментария А.Ф. Лосева к Сексту Эмпирику [2, 21-38]. II. “История греческого скептицизма как специальной школы”. Эти трудности выражаются в сверх-усилиях дать адекватные определения разновидностям скептицизма. (Дело в том, что существование, самоидентификация и развитие скептицизма совпадают с критико-рефлексивным движением основной гносеологической синтагмы).

- Пиррон (360-270 гг.). Интуитивно-релятивистическое направление. Это еще дорефлективный, непосредственный скептицизм.

- Аркесилай (глава Средней Академии, 315-241 гг.). Интуитивно-вероятностное направление. В критикуемой Лосевым классификации А. Гедекемейера (A. Goedeckemeyer. Die Geschichte des griechischen Skeptizismus. Leipzig, 1905) сказано, что это – “абсолютно-эвлогистический скептицизм”.

- Карнеад (глава Новой Академии, 214-129 гг.). Рефлекторно-вероятностное направление, даже “теория рефлексивной вероятности”. У А. Гедекемейера – “абсолютно-пробабилистический скептицизм”.

- Энесидем (I в. до н.э.). Систематический, или рефлексивно-релятивистический скептицизм. 10 тропов (часть из них или все – “призраки” Ф. Бэкона). Гедекемейер называет его “абсолютно-майористический скептицизм”.

- Агриппа и Менодот (I в. н.э.). Логически-релятивистический скептицизм. Пять тропов Агриппы: третий троп переключается с восьмым тропом Энесидема, но – “непознаваемость вещи доказывается на основании соотношения ее не только с бесконечным множеством других вещей, но и с человеческим субъектом”. Гедекемейер использует термин “догматически-позитивистическое учение” [2, 37].

- Секст Эмпирик и Сатурнин (II-III вв. н.э.). Абсолютный скептицизм, граничащий с нигилизмом.

Дополнительно скептицизм Аркесилая назван еще и практически-вероятностным, прагматически-вероятностным, утилитарно-вероятностным и наконец, непосредственно интуитивно-вероятностным, а на с. 32 – учением о непосредственно-данной вероятности.

“Указанными у нас пятью ступенями, или типами, античного скептицизма исчерпывается то, что было сделано скептиками до Секста Эмпирика. Это были типы: 1) интуитивно-релятивистический (Пиррон и

Тимон); 2) интуитивно-вероятностный (Аркесилай); 3) рефлексивно-вероятностный (Карнеад); 4) систематически-материальный (Энесидем) и 5) систематически-логический (Агриппа и младшие скептики). ...И только Секст Эмпирик сделал этот последний шаг, а именно, считать недоказуемыми, необидительными и скептическими также и все свои собственные аргументы против догматизма”. [2, 38]. При всем пиетете по отношению к автору данного исследования, необходимо отметить отсутствие в приведенной классификации единого признака, положенного в основу деления эксплицируемого понятия “скептицизм”: предикаты “релятивистический” и “вероятностный” явно пересекаются (как и предикаты “рефлексивный”, “систематический” и “логический”), а что такое “материальный” скептицизм – непонятно даже после разъяснений. Однако ценность *изучения* этого эллинистического направления в философии несомненна: оно показывает, как кристаллизовалась принципиальная гносеологическая синтагма.

Для настоящего исследования важно, что упомянутая синтагма, рассуждая логико-рационалистически, получала в истории мышления *два логических*, методолого-метафизических *разрешения*: в пользу абсолютности и в пользу относительности истины. Здесь мы не обсуждаем собственно диалектический ответ: истина одновременно и абсолютна, и относительна... Поставим вопросы так: если рациональность покидает твердую почву логоса, означает ли это автоматически уход на позиции иррационализма, скептицизма и релятивизма? И кроме того: является ли столь же неизменным, как аристотелевская логика, сам скептицизм – прибежище релятивизма?

Скептицизм Аркесилая и Карнеада – разумеется, не то, что скептицизм, скажем, философа XX века Стивена Тулмина. В наше время решительное и откровеннее других, по выражению В.Н. Поруса, ставит точки над i Ричард Рорти – прагматист по самоопределению. Последний решает сразиться с принципиальной синтагмой. Выступая против классической античной, платоновско-аристотелевской парадигматики, в которой, по его мнению, спутаны понятия рациональности и разумной аргументации, Рорти подчеркивает, что *отказ* от классического “словаря” не есть отказ от рациональности и переход на позиции иррационализма или, тем паче, релятивизма. “Наши оппоненты склонны утверждать, что отказаться от этого словаря – значит отказаться от рациональности, что быть рациональным – это именно и значит уважать различия абсолютного и относительного, найденного и сделанного, объекта и субъекта, безусловного и условного, реального и кажущегося. ...Тогда мы, несомненно, иррационалисты. Но... быть иррационалистом в *этом* смысле совсем не значит быть неспособным к какой-либо разумной аргументации... Мы просто

отказываемся... вести разговор по-платоновски..., отвергаем обвинения в том, что мы якобы “релятивисты” или “иррационалисты”, – отвергаем, говоря, что эти обвинения исходят из дистинкций, которые мы как раз и не признаем” [5, 17-18].

Как со всей определенностью высказался “антиплатоник” Р. Рорти, сами эти дилеммы познаваемого и непознаваемого, абсолютного и относительного, объективного и субъективного, открытия и изобретения, реальности и кажимости и т.д. должны быть сняты, тогда засилие Платона и Аристотеля будет, наконец, элиминировано, потеряет смысл любое следствие этого влияния, например, понятия релятивизма или скептицизма, и на заре последних веков утвердится желанная “ризом” без корней и дистинкций – новая разумность без старой рациональности. Постструктуралистская заостренность этих требований и ожиданий так же понятна, как непонятна “новая разумность”. Однако хотелось бы подчеркнуть, пользуясь терминологией Тулмина, что “выживание” популяции понятий в изменяющихся условиях, с нашей точки зрения, есть “медицинский факт”, и что “выжившее” понятие или парадигма – а также синтагма – в разные исторические периоды существенно одни и те же. Так столетний Тициан сохраняет самость, так тысячелетнее онтологическое доказательство бытия Бога блюдет свой смысл, так трехтысячелетний скептицизм удерживает

свой познавательный скепсис, а вера в абсолют поддерживает желание жить и знать. Так локальное знание о существовании и размерах конкретного объекта, о сомнительности чувственных данных, о спорности подавляющего большинства суждений или ограниченности личного опыта становится походом за истиной – мета-локальным и мета-глобальным знанием, путем бесконечным.

Литература

1. Аронов Р.А. Синдром Хлодвига и интерпретация научного знания // Вопросы философии, № 9, 2004.
2. Лосев А.Ф. Культурно-историческое значение античного скептицизма и деятельность Секста Эмпирика. Вступит. статья к: Секст Эмпирик. Сочинения в 2-х т. Т. I. – М.: Мысль, 1976.
3. Лосев А.Ф. Философия имени // Из ранних произведений. – М., 1990.
4. Несмелов В.И. Наука о человеке. Т. I, II. Репринт 1905, 1906 гг. – Казань: Заря-Тан, 1994.
5. Порус В.Н. Цена “гибкой” рациональности. О философии науки Ст. Тулмина // Вопросы философии № 2, 1999. Со ссылкой на: Рорти Р. Релятивизм: найденное и сделанное // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. – М., 1997.